

Annotation

...Второй раз биться лбом о Будапешт было бы глупо, и поэтому я взял с собой все: микрораскладушку, плед, простыню, банки с консервами, растворимый кофе, кипятильник, сахар и шесть двухфоринтовых монет для телефона. Но со мной имелось не только это. Я вез тренировочный костюм, спортивные тапочки, надорванные шиповки, и все это потому, что полгода назад случайная встреча в метро дала повод к новому сумасшествию

- [Владимир Рекшан](#)
 -
 - [СУХОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ](#)
 - [ГРУСТНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ](#)
-
-

Владимир Рекшан

**Идиоты, атлеты, Космический Прыгун и
Баба Сингх**

Рассказ

...Второй раз биться лбом о Будапешт было бы глупо, и поэтому я взял с собой все: микрораскладушку, плед, простыню, банки с консервами, растворимый кофе, кипятильник, сахар и шесть двухфоринтовых монет для телефона. Но со мной имелось не только это. Я вез тренировочный костюм, спортивные тапочки, надорванные шиповки, и все это потому, что полгода назад случайная встреча в метро дала повод к новому сумасшествию.

СУХОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Профессиональный спорт нынешнего олимпийского движения, замешанный на допинге, деньгах, политике, представляет собой полную противоположность олимпийским идеалам, провозглашенным в конце XIX века бароном Кубертеном. Барон был “идиотом” — именно так называли спортсменов-любителей в античной Греции, имея в виду вовсе не их умственное состояние. Просто это одно из значений емкого слова. Современный спорт ветеранов возрождает благожелательный “идиотский” дух олимпийского соперничества. Состязания атлетов старше сорока лет (в данном случае речь идет о легкой атлетике) проводятся на некоммерческой основе. Принципиально! На стадионах нет рекламы, победителей чествуют без гимнов, спортсмены сами оплачивают все расходы и делают паевый взнос за участие в каждом виде программы. Через каждые пять лет ветеран переходит в следующую возрастную группу, и у него есть шанс стать чемпионом Европы или мира хоть в шестьдесят, хоть в восемьдесят лет. Иногда выходят на старт и столетние старцы.

...Мне надоело ходить в молодых писателях, и я решил выступить в разряде мастеров-ветеранов. Когда-то — мама, когда это было! — я имел результат в прыжках в высоту 2 метра 15 сантиметров и подавал олимпийские надежды. Надежды оборвались вместе со связкой, в жизни начался рок-н-ролл, и, хотя через несколько лет я опять стал подтверждать мастерский уровень, поезд ушел.

Войдя в юность ветеранскую, я стал без фанатизма посещать стадион, частично изгнал из внутренностей никотин и пары алкоголя литературно-музыкальных буфетов, а ко дню сорокалетия был готов к победам и имел тренировочный результат около 1 метра 90 сантиметров.

Загодя я получил вежливое приглашение на чемпионат Европы, в

котором, в частности, предлагалось оплатить расходы бундесмарками. Как и у других питерских ветеранов, марок у меня под рукой как-то не оказалось, и мы почти распрощались с надеждой, но тут пришло известие, что в виде исключения от советских граждан готовы получить и рубли. Сосчитал рубли — не хватило. Отправился во Внешэкономбанк, задолжавший мне деньги по договору с пражским издательством. В банке послали меня на три буквы, возможно, и на четыре. Я пошел, куда послали, рассчитывая по дороге ограбить прохожих. Деньги, однако, нашлись. Гордо заплатил положенное, стал прикупать консервы и по благу доставать растворимый кофе.

Итак, Львов: тепло, красивые женщины и митинги, в толпе которых видны лозунги типа “Хай живе КПСС на Чернобыльской АЭС!”. За Львовом поезд переваливает Карпаты, а там уже не наша земля. Перед таможенной ветеранов бросало в озноб: все читали постановление об ограничении вывоза товаров. Продуктов на пять рублей, промтоваров на три рубля, не более, но все что-то везли, опять же по русской неизобретательности упирая на водку...

И вот мы в Европе! Вообще-то, в этой Европе я уже третий раз. Недавней зимой именно в Будапеште сутки околачивался по дороге в Италию без ломаного форинта и ночевал в ожидании поезда на холодном вокзале с неграми и наркоманами. Теперь же лето, есть консервы, телефоны местных литераторов и опять же опыт европейского бытия.

Мы выходим из поезда. Я самый молодой среди этих серьезных мужей, директоров и доцентов, полковников и подполковников, среди этих достойных старушек с выправкой ворошиловских стрелков. “Ах, молодость, вечная моя молодость! — думается мне, а губы разжимаются, выкатывая веселую фразу: — Здравствуй, город Будапешт!”

Я лежал на раскладушке и смеялся:

— Где же ваши хреновы спонсоры?!

Бывший Директор, свернувшись в углу по-собачьи на спальном мешке, не унывал:

— Спонсоры — народ железный. Но банк не произвел расчеты! Он просто не принял деньги!

— Вот и отлично! — нажимал Энергичный Работяга. — Посмотрите на Полковника! Он собрался спать по стойке “смирно”.

Полковник составил две парты, лег на спину, укрылся простыней, стал похож на мертвого, пожаловался:

— А я хотел двадцать километров идти. Двадцать километров идти в таких унижительных условиях!

— Ты можешь отдавать раскладушку за форинты, — посоветовал мне Доцент, протискиваясь в дверь с мягким предметом неясного происхождения, одолженным на соседней помойке.

— А у вас эти форинты есть?

— Будут! — сказали Директор и Энергичный Работяга, а Полковник уже спал по стойке “смирно”.

...Нас встретили на вокзале, посадили в трамвай, и мы зайцем переехали через Дунай. Затем отвели в обычную школу и заявили: “Будете здесь жить”. По школе уже бродили другие совграждане, превращая учебные классы в лежбища. Устраивались на партах, под партами, в коридорах на сквознячке — везде. Отсоединившиеся прибалты, увы, пока не достигшие конвертируемости, обеспечивающей комфорт отелей или мотелей, вскоре вернулись временно в состав Московского царства. Особо заслуженных, типа Брумеля, все-таки поселили в студенческой общаге со спальными принадлежностями, а скромный чемпион Мюнхена-72 Юрий Тармак решил спать на улице.

Но обещали кормить! Не имея спонсоров (какие-то таинственные греки!), я рассчитывал на привезенные продукты, а тут в неразберихе попал еще и на довольствие.

Вернувшись по мосту в Пешт, я до сумерек бродил по знойному городу, пытливо вглядываясь в эту красивую столицу, потерявшую последние очертания подневольного социализма; города, ломящегося по законам потребления от яств и конфекциона; города с “ягуарами” и “шевроле”, с картонными “драбантами” из несуществующей ГДР, с пьяными нищими в подземных переходах. Я был не пьяный, но нищий с двенадцатью форинтами в кармане шорт. Очень хотелось пить. Вот и пил из всякого “копытца” — фонтанов и фонтанчиков. Мочил голову, гулял и

глазел. И вдруг увидел на дне фонтана монетку. Воровато оглянувшись, протянул руку, ухватил денежку — пять форинтов! — и, сложив с тем, что было, рванул в ближайший буфет, где с чувством буржуазного превосходства выпил залпом стаканчик холодной коки.

Вечером возле школы крепкая ветеранская женщина наяривала на трехрядке, а несколько пар резвилось рядом. “Нормальный сумасшедший дом, — подумалось. — Чувство родины не должно покидать нас!”

Самобичевание и ерничество хороши в меру. И совсем неуместны они в рассказе о празднике открытия чемпионата. Огромная чаша “Непшстадиона” битком, по зеленому газону которого под национальными флагами идут бодрые ветераны. В пестрой, ладно сидящей форме, под флагом СССР — всего десять человек... Демонстрируя наглядно кризис и развал империи, внушительной колонной под возрожденным флагом прошли латыши. К ним с маленькими флажками за неимением большого примкнули эстонцы. Да и в команде Израиля, как после выяснилось из разговора, оказалась половина бывших сограждан.

Серьезные люди произносили в микрофон короткие речи, играл венгерский гимн, балетные пары кружили вальс и чардаш, а громкий оркестр выдувал из труб что-то такое громкое и маршировал.

Невольно наворачивалась слеза, душа молодеда.

Загрохотали стартовые пистолеты — забегали, запрыгали зрелые, пожилые, совсем старые старики и старушки.

Мы вернулись на лежбище просветленные, а утром Энергичный Работяга сказал:

— Так что, идем мы на рынок или нет?

Ночь вернула миру привычные очертания, и утром опять отчетливо осозналась унижающая бедность.

— Рынок тут рядом. Через мост перейти только! — согласился Доцент.

— Господа, — резюмировал сказанное Бывший Директор. — Так не загнать ли нам местным жителям каких-либо вещичек?!

— А у меня ничего нет, — буркнул Полковник и лег по стойке “смирно”.

У меня же освободилось восемь банок консервов “цыпленок с рисом”, кейс с наборным шифром, в котором консервы пересекли границу, водочка и кипятильник.

За мостом возле огромного кирпичного склада раскинулся рынок, а точнее сказать — толкучка. На этом рынке торговали в основном такие племенные разновидности: поляки, вьетнамцы и совграждане. Венгры покупали. Бродили цыгане и старались что-нибудь украсть. Поляки

покупали иногда вещи у сограждан, поскольку те продавали дешево и сбивали попякам цены. Сперва я робко приглядывался к толкучке, затем обнаружил среди торгующих знакомого с чемпионским прошлым, который взял мои вещички на комиссию. Не успел я обойти рынок, как счастье свершилось: знакомый чемпион продал имущество и вручил мне две тысячи полновесных форинтов...

ГРУСТНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Это теперь ясно, а летом девяностого года я бродил по Будапешту и считал, придя к выводу, что выгоднее всего привозить сюда сигареты. Венгерские самые дешевые — 23 форинта. Болгарские “Ту”, популярные в России, ветераны на рынке отдавали за двадцать, и венгры брали. Элементарные расчеты давали такую арифметику: “Ту” — 50 копеек (тогда так стоили на родине) — 20 форинтов — 5 жвачек — 5 рублей (тогда их так продавали в наших ларьках) — 1000 % прибыли! Теперь эти цифры ничего не говорят — все изменилось. Нет “Ту”, копейки ничего не стоят. Названные цифры теперь имеют отношение не к экономике, а к истории...

Погрузившись в стихию рыночных отношений, я отдал в местную скупку два альбома на немецком языке, что взял с собой для представительства. Новые впечатления и жара, многокилометровые прогулки и торговые сделки — к моменту своего выхода в прыжковый сектор я уже не помню толком, в какую сторону бежать и какой ногой отталкиваться. Зато я видел в секторе Валерия Брумеля. Он не преодолел начальной высоты — 160 см, — но ему рукоплескали и зрители, и соперники, просили позволения сфотографироваться вместе на память. Я видел известного в прошлом венгра Иштвана Майора, победившего с фантастическим для сорокалетних достижением — 2 метра 07 сантиметров! Так у меня уже не получится никогда...

Космический Прыгун Брумель был кумиром миллионов и моим, естественно, в отрочестве, а теперь я представлен ему, прошу об аудиенции. Он же, нагоняя важность, подумав, соглашается:

— Но не сейчас. Когда у меня окажется свободное время.

Его я встречаю по нескольку раз на дню, но не подхожу, стесняюсь.

После “Непшстадиона”, опустошенный недавней схваткой и жарой,

возвращаясь в спецприемник школы, вижу фанерную стрелку на стене. Переводчик Вольский обучил в Питере двум словам — “шер” и “бор”. На стрелке начертано “бор”, то есть вино. С трепетом человека, униженного первым подзаконным актом горбачевского плюрализма и изъывшего алкоголь из доступного обращения, дохожу до подвала “Бор” и в прохладной тишине с помощью скучающего продавца прямо из бочки набираю в полиэтиленовый баллон 1,5 литра мускателя за семьдесят форинтов. 1,5 литра для меня многовато, но сказалось вдруг дефицитное самосознание.

Возле школы на парапете газона сидит и скучает Космический Прыгун.

— Добрый день, — говорю я.

— А это у тебя что? — отвечает Космический Прыгун.

— А это у меня сухой венгерский “бор” — мускатель. Венгерские же “боры” по праву считаются одними из лучших в Европе.

— Что ж, я готов дать тебе интервью. Ты же просил!

— Конечно! — восклицаю я и начинаю брать интервью, в течение которого мы, пользуясь своим местонахождением, несколько раз совершаем антигорбачевские демарши в сторону “Бора”.

Из общежития, где у Космического Прыгуна койко-место, виден стадион микрорайона, где тоже состязаются ветераны.

— Зачем вы не стали смотреть чемпионат? Ушли сегодня на самом интересном!

— Для меня это цирк. Шапито! Клоунада какая-то. Идиотизм! Я же профессионал. Атлет! Космический прыгун! Видишь часы?

Вспоминаю, что если любителей в античной Греции называли идиотами, то профессионалов, участвовавших в олимпиадах, атлетами.

Тем временем Космический Прыгун снимает часы. На оборотной стороне дарственная надпись по-английски.

— Может, мне этими часами торговать? Или авторучкой?

И авторучка именная, с золотым пером.

— Я — роог тап. Нищий! Меня сюда зачем взяли — почетным гостем. А форинтов не дали. Вчера из шведской газеты подходит: можно

интервью? Интервью мое двести долларов стоит. Не успел еще в банке поменять.

Мне становится неловко за отсутствие долларов, и мы еще раз идем в сторону “Бора”, а Космический Прыгун говорит, говорит просто так, ему, я вижу, скучно со мной, но одному, похоже, еще скучней.

— Тут один деятель пива, три “спаттена” взял, а потом мне: “Кто ты такой?” Он кооператор, он двадцать тыщ в месяц клекает, а я пенсию от государства — сто двадцать рублей. Но я-то Космический Прыгун, а он в финал на Токийской олимпиаде не попал. “Ты мне за пиво отдать можешь? Сейчас!” — это мне говорит. Я его в Москве залью, чем попросит. А здесь я ему говорю просто: “Тебя на кол посадят, бензином обольют и подожгут ракетирь. А меня в Америку зовут лекции читать. Лекция — пять тыщ долларов”.

— Какой гад! — кричу я и плачу. — Как он смел так Космическому Прыгуну!

— А они мне все завидовали. Всегда. Даже Тер. Тер-Ованесян. Всегда хотели, чтоб плохо. Кому они нужны? Мне на приеме вчера: “Вы и в Финляндии будете почетным гостем”. И футболки дали. Три штуки.

Мы опять в общаге, и Космический Прыгун достает из сумки пакеты.

— Я их в договорной магазин сдам по сто рублей и месяц проживу как король.

— Какие гады! — У меня сердце обливается кровью. — Как они смеют!

— А ты пиши все. Я ничего не скрываю.

Сон мой крепок и обилен. В полдень я выхожу из школы. Возле нее на парапете газона сидит Космический Прыгун и приветливо улыбается.

— Привет, — говорит. — Ты же вчера хотел интервью взять.

— Да-да, — соглашаюсь без восклицаний. — Конечно.

— Надо было вчера со шведа двести долларов взять, да не взял.

— Я понимаю, но...

— Ладно тебе, брось! Ты же не швед. Тут один дед просится поговорить. Ему капиталисты форинтов надавали на память. Все должно быть честно, вчера — ты, сегодня — я.

Дед оказался фантастическим: шестидесятилетний Николай, демократ и радикал из Костромы. Он взял два “серебра”, промолотив 100 и 200 метров соответственно за 13,2 и 27,6 секунды! Не всякий двадцатилетний так способен...

В “Боре” нас встречали как постоянных клиентов. После второго захода я стал беспокоиться за демократа и радикала Николая. Он кричал на весь этаж общежития, размахивая стаканом:

— Мы говорим “нет” консерваторам! Мы говорим “да” рынку и частной собственности! Мы говорим “нет” административно-командной системе! В горьком мне говорят: “Тебя, Коля, пора в сумасшедший дом”. Но мы говорим: “Нет, этот номер не пройдет!” И тогда я возглавил митинг и призывал по радио!

К Космическому Прыгуну заглянул Эгидус, симпатичный журналист из Литвы.

— Мы говорим “да” свободной Литве! Мы говорим: “Нет, они не пройдут!” — орал дедушка и сжимал кулак возле уха, как Бертольд Брехт.

На следующее утро я выбрался из школы черным ходом и кое-как, тенечком, добрал до стадиона. Старички и старушки все бегали и все прыгали. Бодрый их вид бередил совесть, одновременно странным образом восстанавливая душевное равновесие. Среди спортсменов-“идиотов” и наш Степан Андронов, бывший кузнец, а ныне банщик из Питера. Он выходит на старт полуторакилометровой дистанции. Еще в забеге тех, кому стукнуло семьдесят пять, участвуют старички скандинавы и, естественно, гордые сыновья туманного Альбиона. Одна миля в Англии считается дистанцией лордов, и всякий раз трибуны замирают, когда собираются дать старт на милю... Вчера наш Степан боролся со сверстниками в толкании ядра и уступил немцам и финнам. Эх, бывшему кузнецу еще б и техники! Его конкуренты, особенно немец с кайзеровскими усами, демонстрировали прекрасный стиль начала столетия — и победили... Степану, в общем, не светило бежать милю, ведь за каждый вид предполагался паевый взнос в тысячу форинтов. Но совгражданам в качестве исключения позволили посоревноваться бесплатно, и вот Степан на старте замер в наклоне. Выстрел! Публика всколыхнулась. Кузнец-банщик уходит вперед, и с

каждым шагом его отрыв все больше! В конце круга Степан впереди почти на сто метров! Трибуны волнуются: что это за таинственный русский? “Идиоты” глядят на секундомеры и не верят своим глазам. Но и в беге нужны техника и расчет. Постепенно Степана догоняют, он еле переставляет ноги, но переставляет! Упорствует, не сходит с дистанции, хотя и видно, как прадедущке тяжело.

Последний вечер в школе, последний — в Будапеште. Где-то на банкете богатые ветераны произносят трогательные речи. Мы же победнячки расположились в обжитом как попало классе, тоже подводим заграничные итоги.

— Спонсоров нужно искать, мужики, — напирает Энергичный Работяга. — Чтоб по сорок заявочных долларов выложить в Турку. Надо же пробиваться на чемпионат мира!

— Там, коллеги, нас с рублями не примут даже в качестве исключения, — последнее слово Бывшего Директора.

Под окнами “идиоты” опять наяривали на гармошке и веселились.

Утром начался исход на родину. До границы ехали недолго, но муторно — в переполненном сидячем вагоне. Приметы нового времени проступили, когда в поток спекулянтов, совершающих челночные рейсы, влились семьи наших военнослужащих.

День постепенно накалялся. За окнами колыхались злаки. Перед границей — огромное поле, забитое машинами и восточноевропейскими контрабандистами. Говорят, самая большая толкучка в мире. За ней опять поля и злаки, много каких-то злаков весело колосится до самой границы. На границе — колючая проволока, а за проволокой — советская пока еще земля колосится теми же злаками. И вот что интересно: почва по обе стороны границы одинаковая, солнце светит одинаково, венгры живут по обеим сторонам колючей проволоки. Я слабо разбираюсь в злаках и не скажу точно название, но заявлю определенно: наши злаки отчего-то были раза в два-три ниже...

В Питер пробивались замысловато, выделяя адреналин: какими-то электричками, плацкартными поездами. А в Питере демократы свергали консерваторов, которые саботировали, “теневая” экономика срачивалась с

уголовными элементами и представителями административно-командной системы. Я же опять дегустировал напитки в писательском буфете, говоря, что далек от всего происходящего, что теперь ветеранство дает постоянный шанс, у жизни появился точный смысл, что я вовсе не идиот, а настоящий атлет...

P. S. Самое смешное, что на следующий год я оказался в Турку на чемпионате мира, куда приехал уж совсем без денег, и поэтому от пьянства с чемпионами пришлось отказаться. На соревнования я набросился, как голодный волк, и в итоге занял шестое место среди сверстников. В мире! Пишу это не с тайным, а с явным бахвальством. Если писать обо всем, то бумаги не хватит. Но не могу не вспомнить Баба Йогиндера Сингха, стоодналетнего “идиота” из Индии. Он бежал (не быстро) стометровую дистанцию и прыгал (не далеко) в длину. Вокруг него вились телевизионщики, и “идиот” в чалме получил славы по полной программе. Позже я обнаружил в Книге рекордов Гиннеса его фотографию и информацию о том, что Баба и в 1998 году выступал в соревнованиях, метал диск. Оказывается, “идиот” Баба еще юношей представлял Индию на легкоатлетическом чемпионате в Берлине в 1910 году!...

В один из дней я наткнулся на Космического Прыгуна, которого избегал всяческим образом. Дело в том, что после Будапешта я напечатал в московской прессе кое-что о ветеранах шутивное, и неожиданно для меня публикация получила в спортивной среде резонанс. Какие-то ветеранские начальники, типа человека по фамилии Чебурашкин (не вру!), с ненавистью на меня косились, но большинство весело хлопало по плечу. Одним словом, я столкнулся с Прыгуном, и тот, взглядевшись в меня с чуть большим интересом, чем в Будапеште, произнес:

— Говорят, ты написал где-то... Да? Написал, будто поил меня три дня.

Оставалось только смиренно пожать плечами.

— Было дело — поил, — согласился мой кумир. — Ничего, я тебя тоже напою. Тут у меня друг — мэр Турку. У него дома полный холодильник пива. Два холодильника! Отправимся к нему завтра.

Я согласился хоть завтра, хоть сегодня. Пару раз после встречал

Космического Прыгуна, старался сделать так, чтобы он меня заметил. Но он не заметил и к мэру Турку не взял.